

величайшій абсурдъ, и какимъ горькимъ для насъ укоромъ служить подобныя разсужденія Нехлюдова: „они опасны, говорить онъ, а мы не опасны“. Мы, мнимо-добродѣтельные, обезпеченные люди, доведшіе молодого человѣка до воровства,—мы, конечно, въ тысячу разъ опаснѣе несчастнаго мальчугана. Ужъ если во имя справедливости должно наказывать за преступленія, то, по крайней мѣрѣ, не дѣтей, а взрослыхъ, идущихъ безъ нужды на преступленія.

Блѣднолицый господинъ былъ въ сильномъ волненіи; лицо его пылало яркимъ румянцемъ, но онъ сдерживалъ себя; вездѣ говорилъ, не повышая тона.

— Извините, но я опять ни Толстого, ни васъ не пойму,—противъ чего или противъ кого вы ратуете? Противъ-ли существующихъ законовъ судопроизводства, охраняющихъ общество отъ порочныхъ члеповъ, или противъ самихъ судей, противъ, наконецъ, аристократовъ этого общества, изъ которыхъ каждый будто-бы, если вѣрить Толстому, „распутникъ и обманщикъ“?

— Само собою разумѣется, противъ судей, создавшихъ никому ненужные законы для увеличенія человѣческихъ страданій.

— Что касается судей, то съ нѣкоторыми оговорками еще можно согласиться, но о законахъ рѣчь другая. Законы, какъ мы ужъ раньше говорили, имѣютъ цѣлью оградить общество отъ вліянія зла; законами осуждаются и наказываются человѣческіе пороки и преступленія, и главнымъ образомъ законами нравственными.

Рѣшая практически вопросъ, Толстой, противорѣча себѣ, принужденъ былъ сказать, что данные законы жизни какъ-бы опередили дѣйствія людей. Напримѣръ, съ точки зрѣнія законовъ суды считаются „важнымъ священнымъ дѣломъ“,— религія учитъ, что судьи, облеченные властью судить, получили эту власть отъ Бога и потому должны судить „по всей правдѣ“, безъ лицепріятія, по идеалу Высшей Правды. На судахъ установлена клятва, или присяга, въ силу опять важности вручаемаго дѣла, въ силу того, что всѣ участвующіе здѣсь это дѣло дѣлаютъ предъ Лицомъ Невидимаго Судьи, Которому они впослѣдствіи должны отдать отчетъ—въ клеветѣ, въ небрежности, въ особенности въ обвиненіи виновнаго.